

Глава 40. Приготовление (Часть II)

Ещё во время вчерашнего пира Ли Синлань в общих чертах изложил свой замысел Фу Шаоюаню. И хотя утром они успели скрестить оружие, бой был лишь дружеским испытанием мастерства. Шаоюань оказался человеком не по годам широкой души, а Ли Синлань держался с безупречным тактом, так что они быстро нашли общий язык.

После короткого совещания все разошлись по своим местам, следуя распоряжениям Синланя.

Фу Шаоюаню и Хань Тану доверили первый этап — отбор и распределение добровольцев. Оценивали прежде всего физические данные. Когда-то, когда Не Ань ушла из жизни, городское ополчение насчитывало восемь сотен бойцов. С тех пор меч в ход не пускали, но места в ополчении традиционно передавались от отца к сыну, так что численность осталась прежней. Народу было немного, поэтому об «отсеивании» речь не шла: вычеркивали лишь совсем немощных, остальных же зачисляли в строй.

Над системой распределения Ли Синлань размышлял долго. В итоге прибывших разделили на четыре категории. К первой относились люди статные и ловкие; ко второй — рослые и плечистые силачи; к третьей — те, кто при любом телосложении отличался высоким духом и отвагой; к четвертой — все остальные, здоровые, но без особых примет. Каждому, кто прошёл отбор, вручали бамбуковую бирку с соответствующей пометкой.

За второй этап отвечали четверо учеников из школы боевых искусств. Перед ними стояли доски, на которых были начертаны полосы — от одной до четырех, согласно категориям на бирках. Ополченцы подходили к нужным столам для регистрации.

Город Линъюнь всегда славился лесом и искусной резьбой по дереву. Старый господин Гэньсунь Фоу, хоть и пропустил вчерашний пир, времени даром не терял. Ещё днём он нашёл в городе двух опытных плотников, а к утру те привели своих подмастерьев. Четверо мастеров расположились рядом с учениками, вооружившись целым мешком тонких деревянных пластин. Эти заготовки, уже гладко обструганные и отшлифованные, размером в пол-ладони, предназначались для солдатских жетонов.

Пока ученики расспрашивали добровольцев и заносили данные в свитки, мастера вырезали информацию на пластинах: имя, возраст, особые приметы, рост, район проживания. Каждому присваивался порядковый номер, записанный в форме счётных палочек. Получив жетоны, ополченцы собирались группами по двести человек согласно нумерации.

Когда первые два этапа завершились, солнце уже стояло в зените.

К счастью, стояла глубокая осень. Погода была прохладной, и восемь сотен человек, разделенные на четыре отряда, спокойно сидели на земле, ожидая продолжения.

Воспользовавшись утренней паузой, Ли Синлань вернулся в усадьбу господина Бяньяна.

Получив добро от Хань Юаня, он собрал десять богатейших торговцев города. У каждого в подчинении было немало людей, и Синлань велел им выделить по одному грамотному человеку, искусному в счёте. Так сформировалась группа снабжения, ответственная за управление ресурсами и распределение припасов.

Господин Бяньян назначил главу группы, а Ли Синлань, задав несколько уточняющих вопросов, распределил остальные роли: от счетоводов до кассиров.

Поскольку ополчение было немногочисленным и предназначалось лишь для обороны стен, Ли Синлань решил максимально упростить быт. Постоянных поваров в армии заводить не стали. Через связи господина Бяньяна старик Гэньсунь Фоу нашёл нескольких уважаемых старейшин, которые помогли собрать двадцать местных женщин — им поручили заботу о пропитании бойцов.

Чтобы ополченцы не разбредались по домам, Ли Синлань приказал наладить работу кухни немедля. Женщины быстро распределили обязанности: закупка, мытьё, нарезка, готовка и раздача. Уже к обеду первая трапеза была готова.

Чэнь Гэ тем временем верхом на Бэй Чэне, принявшем облик гигантского волка, объездил окрестности в радиусе двадцати ли. На свитках из овечьей кожи он угольком тщательно зарисовал рельеф, составив простую карту. Ли Синланю было проще ориентироваться по его рисункам, чем по китайским описаниям.

Они вернулись в город как раз к обеду. Почувяв аромат еды, Чэнь Гэ пулей помчался к Юго-западному лагерю. Там он увидел, что женщины едва справляются с тяжелыми телегами, груженными провиантом. Он заставил Бэй Чэна принять человеческий облик, но тот, едва одевшись, позорно сбежал. Чэнь Гэ ничего не оставалось, кроме как самому взяться за дело.

Женщины связали несколько телег грубыми веревками. Чэнь Гэ попробовал потянуть — груз оказался на удивление легким. словно бурлак, он потащил за собой караван из десятка телег, непринужденно, будто выгуливая собаку, и направился к месту сбора.

Хань Тан, Фу Шаоюань и все ополченцы замерли в немом изумлении.

Бойцы, пришедшие со своей нехитрой утварью, потянулись к телегам. Порядок был образцовым — почти все в городе знали друг друга в лицо.

Чэнь Гэ наполнил миску для Ли Синланя. Еда была простой, и сам он ел без особого аппетита, зато усердно подкладывал лучшие куски в тарелку друга.

— Знаешь, из тебя вышел бы отличный гендиректор, — заметил он. — Зачем тебе в армию-то понадобилось?

Ли Синлань, не поднимая головы от еды, отозвался:

— Вообще-то я хотел стать полицейским. Но однажды шёл по улице, поднял глаза и увидел на экране призывной ролик Дурбана. Проняло. На порыве закончил экстерном и поступил в военную академию.

Чэнь Гэ оживился:

— Призывной ролик? Какая версия?

— Сорок шестая, — не раздумывая ответил Ли Синлань.

Чэнь Гэ замер:

— Да ладно! Там же мы с братом в кадре мелькаем!

— Мм, — неопределенно отозвался Ли Синлань. — Я не особо присматривался к лицам, там сам видеоряд был мощный.

— Правда, мы там есть! — Чэнь Гэ так и сиял. — Это снимали, когда брат потащил меня на полевые тренировки. Две тысячи сорок шестой год... Мы тогда всего год как переехали. Брат тогда командовал третьим полком. Хотя мне тогда было всего десять, я, наверное, сильно изменился?

Они проболтали весь обед, вспоминая прошлое, но вскоре Ли Синлань снова погрузился в дела. Даже во время разговора он не сводил глаз с ополченцев, подмечая каждую деталь.

Посоветовавшись с Хань Таном и Фу Шаоюанем, Ли Синлань быстро выбрал восемь «сотников». Те, в свою очередь, назначили себе по два помощника — начальников «пятидесяток», а те выбрали «десятников». Каждый выбор одобрялся тройкой командиров. В итоге каждый десятник набрал себе команду из десяти человек. Таким образом, офицеры сами выбирали подчиненных, что гарантировало доверие и дисциплину в отрядах. Людям, живущим бок о бок годами, не требовалось времени на притирку.

В общей сложности получилось семьдесят одно отделение, четырнадцать взводов и два резервных отряда. Вместе с командирами — ровно восемьсот один человек.

Списки немедля отправили в усадьбу Бяньяна для сверки — нужно было убедиться, что никто не уклонился от призыва.

К тому времени, как закончили с формальностями, уже стемнело.

Сотники развели своих людей по баракам. Условия в лагере были спартанскими: у входа горели факелы, а внутри тускло мерцали медные светильники, больше похожие на светлячков. Ополченцы отправились отдыхать, но Ли Синлань и не думал ложиться. Он собрал всех командиров — сорок человек — на первый военный совет: познакомиться, объявить дисциплинарный устав и поставить задачи на завтра.

Чэнь Гэ после обеда вернулся в усадьбу, оставил карту и, не найдя дел в лагере (а Бэй Чэна и подавно), решил скоротать время на охоте.

Он вернулся в лагерь с богатой добычей как раз к окончанию совета. Свалив туши у кухни, он растерялся: как сохранить мясо в такую теплынь? Тут, словно из-под земли, вырос Бэй Чэн. В два счёта он освежевал туши, засолил мясо и, почуяв погреб, перетащил всё туда.

Чэнь Гэ старательно подражал его движениям. Бэй Чэн, глядя на его серьезную мину, вдруг весело прищурился и мазнул друга кровью по лицу. Чэнь Гэ не остался в долгу. Через минуту они оба выглядели так, словно только что вернулись с бойни, устроив в кухне настоящий кавардак.

Вдоволь наигравшись, Бэй Чэн испарился, а Чэнь Гэ, не желая пугать кухарок, принялся приводить помещение в порядок.

Когда он подошёл к штабному шатру, все уже разошлись. Внутри, при свете одинокой свечи, сидел Ли Синлань. Чэнь Гэ осторожно приподнял полог, боясь спугнуть тишину.

Даже оставшись один, Ли Синлань сидел с идеально прямой спиной, напряженный и собранный — истинный воин. Без капюшона были видны следы ожогов: кожа на левой щеке затянулась, местами уже проглядывала новая, розовая плоть. Веки тоже понемногу заживали, и теперь он мог почти полностью закрывать глаза — спать ему станет легче.

Серьезное, сосредоточенное лицо друга отозвалось в сердце Чэнь Гэ щемящей тоской. Военные — странные люди. Оказавшись в другом мире, Ли Синлань не бросил всё, а продолжал следовать своим принципам, защищая чужих ему людей.

Ради чего всё это?

Чэнь Гэ не находил ответа. Он и забыл, что ещё недавно сам горячо клялся защитить этот город любой ценой.

Он то стоял, то присаживался на корточки, то просто лежал на траве, глядя в ночное небо, где уже воцарилась луна. На западе мерцало вечное облако душ горы Линшань. Чэнь Гэ к нему уже привык.

Наконец полог зашелестел. Чэнь Гэ вскочил, готовясь поприветствовать друга. Но Ли Синлань,

погруженный в свои мысли, не заметил его и, едва не наступив на него, вздрогнул от неожиданности. Увидев перед собой перепачканного кровью друга, он резко схватил его за запястье.

— Ты ранен?! — голос его дрогнул, в глазах вспыхнула тревога.

Чэнь Гэ, опешив от такой бурной реакции, поспешил объяснить, что это всего лишь глупая шутка. Ли Синлань с облегчением выдохнул и отпустил его руку.

— У меня голова кругом от дел... Почему ты ещё не в постели?

Чэнь Гэ улыбнулся, потирая запястье.

— Хотел дождаться тебя. Ты, когда такой серьезный, выглядишь просто потрясающе.

Он тут же прикусил язык, опасаясь, что перегнул палку, но Ли Синлань лишь устало вздохнул и мимоходом взъерошил черные кудри парня.

Они неспешно пошли прочь от лагеря. Чэнь Гэ болтал о всякой чепухе, рассказывал нелепые шутки, а Ли Синлань слушал на редкость внимательно. Он расспрашивал, как тот провел день, и, узнав о его досаде из-за собственной бесполезности, мягко заметил, что детям не стоит забивать голову взрослыми заботами.

Они миновали грязные узкие улочки, вышли на главную дорогу и оказались у небольшой речки, рассекавшей город надвое. Лунный свет серебрил чешую волн, вода тихо плескалась о камни.

Оба остановились у моста, глядя в небо. Вчерашнее полное светило сегодня уже заметно ущербно. Луна идет на убыль, так уж заведено.

Чэнь Гэ шел, опустив голову и считая выбоины в дорожных плитах. Взгляд его упал на матерчатый мешочек на поясе Ли Синлани. Та самая черная мандрагора, сорванная в пещере у водопада, до сих пор выглядела так, будто её только что сорвали — лепестки сияли мрачной, пугающей красотой.

— Слушай, а есть хоть что-то, чего ты не умеешь? — не выдержал Чэнь Гэ.

Ли Синлань лишь скромно качнул головой.

Чэнь Гэ принялся высчитывать в уме. Ли Синлань и Цзянь Юньлан — ровесники, оба двадцать седьмого года рождения. Раз Ли называет Цзяня «старшим братом», значит, он моложе, родился где-то после августа. Скорее всего, Весы.

Но вот незадача: он говорил, что увидел рекламу в сорок шестом году и поступил в академию. Ему тогда должно было быть двадцать. Но он утверждал, что пошёл служить в семнадцать и отдал армии десять лет.

Неужто присочинил? Разница между семью годами и десятью невелика, зачем бы ему врать?

— Ли Синлань, а можно вопрос? — наконец не выдержало любопытство.

Тот понимающе кивнул.

— Кто ты по гороскопу? — Чэнь Гэ замялся. — Просто интересно.

Ли Синлань, кажется, выдохнул с облегчением.

— Не очень в этом разбираюсь. Двадцать седьмое октября.

Чэнь Гэ прикинул в уме:

— Солнце в Весах, Луна в Скорпионе...

— И что это значит? — Ли Синлань явно был в недоумении.

— Говорят, такие люди — страшные собственники... А, ладно, я и сам не мастер в предсказаниях. Просто хотел узнать, когда у тебя день рождения.

Пока Чэнь Гэ размышлял о влиянии звезд на характер, они и не заметили, как подошли к его дверям. Ли Синлань привычным жестом толкнул дверь, не зажигая огня, и велел парню ложиться спать.

Они пожелали друг другу доброй ночи. Чэнь Гэ скинул верхнее платье и рухнул в постель, но спустя десять минут внезапно сел, охваченный какой-то смутной догадкой.

<http://bllate.org/book/17509/1663146>